Вечер у Шамова. Максим Горький gorkiymaxim.ru Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке http://gorkiymaxim.ru/ Приятного чтения!

Вечер у Шамова. Максим Горький

По субботам у Максима Ильича Шамова собираются лучшие люди города и разные "интересные парни",- я причислен к последним и поэтому тоже охотно допускаюсь на субботы Шамова.

Эти вечера для меня, как всенощная для верующего. Люди, которые служат ее, во многом чужды мне; мое отношение к ним - мучительно неясно: нравятся они мне и - нет, восхищают и - злят; иногда хочется сказать им слова сердечно-ласковые, а - через час - мною овладевает нестерпимое желание нагрубить этим красивым дамам, приятным кавалерам. Но я всегда отношусь благоговейно к мыслям и словам этих людей, их беседа для меня богослужение.

Мне двадцать один год. Я чувствую себя на земле неуютно и непрочно. Я - точно телега, неумело перегруженная всяким хламом; тащит меня куда-то, неведомым путем, невидимая сила, и вот-вот опрокинусь я на следующем повороте дороги.

Я очень много и упрямо вожусь сам с собою, стараясь поставить себя возможно тверже среди нелепых и обидных противоречий, которые отовсюду бьют и толкают меня, часто доводя до болезненного состояния, близкого буйному безумию. Года полтора тому назад я до того устал от этой возни, что пытался покончить с собою – всадил себе в грудь пулю из отвратительного, неуклюжего тульского револьвера, – такими револьверами в свое время вооружали барабанщиков. Эта глупая и нечистоплотная выходка вызвала у меня к себе самому чувство некоторого недоверия и почти презрения.

Теперь я живу в саду у пьяного попа, в хижине над грязным оврагом; эта хижина раньше была баней.

В двух низеньких комнатах ее стоит запах мыла и прелых веников,гнилой запах, отравляющий кровь. Углы комнат промерзают насквозь,- в этом жилище даже мышам холодно и плохо,- ночами они залезают ко мне на постель.

Вокруг бани густо разросся одичавший малинник, в непогоду его цепкие прутья стучат в окна, царапают черные, кривые бревна стены. Я живу бедно и дико, в неясных мечтах о какой-то другой, светлой и легкой жизни, о рыцарской любви, о высоких подвигах самоотвержения. Печатаю в плохонькой местной газете косноязычные рассказы и убежден, что печатать их - не следует, что ими я оскорбляю литературу, которую люблю страстно, как женщину. Но - печатаю. Надобно есть

В гостиной Шамова я забываю о себе; сижу где-нибудь в углу, в тени, и жадно слушаю, весь - одно большое, чуткое ухо. Здесь всё - от мебели до людей - как-то особенно интересно, красноречиво, и всё облито ласковым, почти солнечным светом ярких ламп, затененных оранжевыми абажурами.

Со стен, тепло-светлых, смотрят глаза Герцена, Белинского, я вижу нечеловечье лицо Бетховена, мне улыбается улыбкой озорника бронзовый Вольтер, и всех заметнее, всего милей - детская головка Сикстинской Мадонны. В углу, за пальмой, возвышается - точно в воздухе стоя - Венера. Всюду - масса каких-то бесполезных вещей, но все они, в этой большой, уютной комнате, являются необходимыми; каждая - точно слово в песне. Драпировки на окнах и дверях пропитаны запахом духов и хорошего табака. Кое-где поблескивает золото рам, напоминая о церкви, и все люди, скромно одетые в темное, точно сектанты в тайной молельне.

Говорят они легко и ловко, как будто бегают на коньках, капризно рисуя замысловатые узоры слов; всех громче и увереннее звучит баритон адвоката Ляхова, — это высокий, стройный человек с острой бородкой, излишне удлиняющей его бледное светлоглазое лицо. Говорят, что он — великий распутник, мне кажется, это так и есть: он смотрит на женщин глазами хозяина, как будто каждая из них была или будет горничной его.

Уже все собрались и сообщили друг другу городские новости, - новостей мало, и они ничтожны: губернаторша сказала дерзость прокурору, супруг ее снова, по привычке, превысил пределы своей власти, купцы в думе наговорили чепухи по школьному

Вечер у Шамова. Максим Горький gorkiymaxim.ru вопросу, богатый мельник Самородов избил сноху, застрелился земский статистик, доктор Дубков снова развелся с женой.

Теперь философствуют о народе, государстве; начальственно звучит голос самоуверенного Ляхова:

- Когда пред нами откроется свободный путь к сердцу народа...
- Кто же откроет вам этот путь? насмешливо перебивает речь Асеев, маленький, горбатый инженер с глазами великомученика.
- история!

Дама, изящная, как статуэтка на подзеркальнике, спрашивает Ляхова:

- Вы читали "Скучную историю"?
- Я смотрю на нее с досадой и думаю:
- "У вас, сударыня, слова рождают мысли, а не мысли слова..."

Асеев, закуривая папироску, говорит тихонько:

- История - это мы, люди...

Как у всех горбатых, лицо у него неправильное, некрасивое, в профиль оно кажется злым. Но великолепные глаза скрашивают уродство тела, - в этих глазах неисчерпаемо много тоскливого внимания к людям.

- Странное произведение! - хрипло кричит Шамов, веселый холостяк, сытый, круглый, с лицом монгола и жадным взглядом крошечных глаз, спрятанных в мешочках жирной кожи.- Можете вы представить себе на месте чеховского профессора - Пирогова, Боткина, Сеченова?

Он выпячивает живот, победоносно взмахивая пухлой дамской ручкой, с изумрудом на пальце. Он уверен, что всегда говорит нечто неоспоримое, убийственное. Беседуют они – точно битую птицу щиплют. Ощипав Чехова, живо ощипали Бурже и выдергивают перья из Толстого.

- Все эти "скучные истории" современных писателей вызваны "Смертью Ивана Ильича"...
- Совершенно верно!
- Толстой первый поставил ценность личного бытия выше ценности бытия мира...
- Положим, индивидуализм утвержден еще Кантом...
- У Герцена мы тоже встречаем нечто очень близкое "арзамасскому ужасу" Толстого...
- Резиньяция?

Спор разгорается, напоминая игру в карты; у Асеева больше козырей, чем у всех других.

- В углу, около меня, изящная дама убеждает толстую, в золотом пенсне на глазах совы
- Некрасов так же устарел, как Державин...
- О господи!..
- Да, да! Теперь нужно читать Фофанова.

Мне жутко и приятно, что эти люди так легко снимают ризы с моих икон, хотя я не совсем понимаю - почему они делают это с таким удовольствием? И мне почти больно, когда о Чехове говорят слишком громко, неуважительно. После "Припадка" я Страница 2

Вечер у Шамова. Максим Горький gorkiymaxim.ru считаю Чехова писателем, который в совершенстве обладает "талантом человеческим, тонким, великолепным чутьем к боли" и обиде за людей. Хотя мне странно видеть, что у него нет чутья к радостям жизни. Слишком стремительно мечутся мысли в этой светлой, уютной комнате, и порою кажется, что не тревога за жизнь, за людей родит их, а – иное чувство, неясное мне.

Меня особенно удивляет инженер Асеев, - он так богат знаниями. Но иногда он напоминает мне тех зажиточных деревенских парней, которые и в хорошую погоду - в солнечный день - выходят гулять на улицу с дождевым зонтиком и в галошах. Я знаю, что они делают это не из осторожности, а ради хвастовства.

Октябрь. Слезятся стекла в окнах, снаружи дробно стучит дождь, посвистывает ветер. С громом проехала пожарная команда, кто-то сказал:

- Опять пожар!

На маленьком, капризно изогнутом диване сидит студент, новенький, блестящий, как только что отчеканенный гривенник; он вполголоса читает изящной даме сладкие стихи:

Что ты сказала мне - я не расслышал,

Только сказала ты нежное что-то.

- Позвольте,- густо кричит Тулун, огромный седой человек с длинными усами.-Хосударство требовает з нас усю енергию, усю волю и совэсть, а шо воно дае нам?

Тулун - татарин, он долго служил членом окружного суда в Литве, потом - в Сибири. Теперь - не служит, купил маленький дом на окраине города, занимается цветоводством и живет со своей кухаркой, толстой косоглазой сибирячкой. Он не скрывает своих отношений к ней и зовет кухарку "сибирской язвой". Глаза у него черные, неподвижные, остановились на чем-то и не могут оторваться, а когда он спорит - белки глаз густо наливаются кровью, и тогда глаза удивительно похожи на раскаленные угли. Он объехал всю Русь, бывал за границей, но рассказать ничего не может; говорит он странно, ломая язык, и очень похоже, что он делает это нарочно. Печатает хорошие рассказы в охотничьих журналах. Ему лет шестьдесят. Так странно, что он не нашел в жизни ничего лучше косоглазой кухарки.

Да, прошептала, а что - неизвестно,

- громко читает студент и спрашивает даму:
- Это получше Надсона, не правда ли?

Эти люди всё знают, они - точно кожаные мешки, туго набитые золотом слов и мыслей. Они, видимо, чувствуют себя творцами и хозяевами всех идей.

А вот я - не могу чувствовать себя так, для меня слова и мысли, как живые, я знаю много идей, враждебных мне, они стремятся к власти надо мною, и необходимо бороться с ними.

Я и двигаться не могу так легко и ловко, как умеют эти люди; длинное жилистое тело мое удивительно неуклюже, а руки – враждебны мне, они всегда ненужно задевают кого-нибудь или что-нибудь. Особенно боюсь я женщин, эта боязнь усиливает мою неловкость, и я толкаю бедных дам локтями, коленями, плечом. Лицо у меня – неудобное, на нем видно всё, о чем я думаю; чтобы скрыть этот недостаток, я морщусь, делаю злые и суровые гримасы. И вообще я – неудобный человек среди благовоспитанных людей.

К тому же мне всегда хочется рассказать им о том, что я видел, что знаю о другой жизни, которая как-то особенно ядовито похожа и не похожа на их жизнь. Но рассказываю я грубо, неумело. Трудно мне на субботах у Шамова...

Резво, точно ласточка, по гостиной летают острые, красивые слова. Звучит смех, но - смеются мало, меньше, чем хотел бы я слышать.

Пришел адвокат Спешнев, сухой, длинный, как Дон-Кихот рисунка Дорэ; он стоит среди гостиной и, нервно размахивая сухими руками, надорванным голосом поносит Страница 3

губернатора:

- Дутый герой, палач, выпоровший мужиков Александровки...

Лицо Спешнева землистое, больное, ноги его дрожат, кажется, что он сейчас упадет. Тесно и жарко. Разноцветно, разнозвучно играют умы. Ляхов громко читает стихи Барбье, Спешнев кричит, перебивая его:

- А знаете, с какой песней шли французы против пруссаков в семидесятом году?

и, притопывая ногою, болезненно нахмурясь, он распевает в темп марша загробным голосом:

Nous aimons pourtant la vie,

Mais nous partons - ton-ton.

Comme les moutons,

Comme les moutons,

Pour la boucherie!

On nous massacrera - ra-ra,

Comme les rats,

Comme les rats.

Ah! Que Bismarque rira!*

- Вы понимаете? спрашивает он, улыбаясь насмешливо и горько.- Идти на смерть с такой песней, а? Мы любим жизнь...
- Хосударство,- пожимая плечами, говорит Тулун, а горбатый инженер начинает рассказывать о "Левиафане" Гоббса.

* Мы хотя и любим жизнь,

Но идем,

как бараны,

как бараны,

на бойню!

Перебьют нас,

как крыс,

как крыс.

Ах! И посмеется же Бисмарк! (франц.)

Пришла m-me Локтева, она в гладком платье серого шелка, гибкая, как рыба. Она очень красива и хорошо знает это. От любви к ней застрелился поручик, спился до нищенства купец Конев; о ней говорят много злого и грязного. Она прекрасно играет в шахматы, увлекается фантазиями Радда-Бай и говорит непонятные мне речи об индусах. Я считаю ее необыкновенным человеком и чего-то боюсь в ней. Иногда она смотрит в глаза мне так пристально, что у меня кружится голова, но я не могу опустить глаз под ее взглядом. Как-то раз она неожиданно спросила меня:

- Вы верите в чудеса?
- нет.

- Напрасно. Надо верить! Жизнь есть чудо, человек тоже чудо...
- В другой раз, так же внезапно, она подошла ко мне и деловито осведомилась:
- Как вы думаете жить?
- не знаю.
- Вам нужно уехать отсюда.
- куда?
- Bcë равно. В Индию...

Положив красивую руку на острое плечо Спешнева, она просит побеждающим голосом:

- Пожалуйста "Три смерти"!
- и обращается к хозяину:
- Милый эпикуреец, да?

Шамов ласково мычит, целуя ладонь обаятельной женщины, Ляхов смотрит на нее сумрачно, он стоит, напряженно вытянувшись, точно солдат; глаза Асеева становятся еще прекраснее, а женщины - улыбаются. Не очень охотно. Локтева смотрит на всех темным, притягивающим взглядом, рот ее как-то особенно полуоткрыт, точно она готова радостно целоваться со всем миром. Ясно, что она чувствует себя добрым владыкой всех людей, - самая красивая и радостная среди них. Зачем ей "Три смерти"?

Шумно двигают креслами и стульями, усаживаясь в тесный полукруг. Шамов, Спешнев и Асеев отходят в угол к маленькому круглому столу.

- Безумно люблю эту поэму, заявляет изящная дама.
- Внимание! командует Локтева.

Положив пухлые руки на край стола, Шамов странно улыбается, и в тишину лениво падает его сытый голос:

Мудрец отличен от глупца

Тем, что он мыслит до конца...

- Я изумлен. Этот рыхлый, всегда и всё примиряющий человек, масленый и обидно самодовольный, глубоко несимпатичен мне. Но сейчас его круглое, калмыцкое лицо удивительно облагородилось священным сиянием иронии; слова поэмы изменяют его липкий, сладкий голос, и весь он стал не похож на себя. Или он вполне и до конца стал самим собою?
- В час смерти шутки неприличны!
- говорит Спешнев, негодуя, взмахнув растрепанными волосами.

Великолепные глаза Асеева задумчиво прищурены. Все слушают чтение серьезно, сосредоточенно, только Локтева улыбается, как мать, наблюдающая забавную игру детей. В тишине, изредка нарушаемой шелестом шелка юбок, властно плавают слова Люция-Шамова:

Прошу покорно - верь поэтам!

- ...Вы все на колокол похожи,
- В который может зазвонить

на площади любой прохожий!

Вечер у Шамова. Максим Горький gorkiymaxim.ru То - смерть зовет, то - хочет жить...

Оставьте спор!

- говорит Асеев, подняв прозрачную на огне руку. Его измученное лицо спокойно; с глубоким убеждением он читает:

В душе за сим земным пределом

Проснутся, выглянут на свет

Иные чувства, роем целым,

Которым органа здесь нет...

И снова лениво идут иронические слова Люция:

Я спорить не хочу, Сенека...

...Твое, как молот, сильно слово,

но - убеждаюсь я в ином.

Существования другого

Не постигаю я умом!..

Горячо звучит надорванный голос Спешнева:

Нет, не страшат меня загадки

Того, что будет впереди,

Жаль бросить славных дел зачатки!

Землистое лицо его краснеет, глаза горят, и он всё громче, отчаяннее жалуется на гнусную обиду Смерти:

Титан, грозивший небесам,

Ужели станет горстью пепла?..

... И это - цель

Трудов, великих начинаний?

Тихо. Все замерли.

Встал Ляхов и, глядя на Локтеву, торжественно говорит:

Декрет сената!

Захлебываясь гневом и тоскою, Спешнев кричит:

Певец у Рима умирает!

Сенека гибнет! А народ

Молчит!

Эти крики гасит холодный, иронический голос Шамова:

Себя нетрудно умертвить.

Но, жизнь поняв, остаться жить

Клянусь - не малое геройство!

Страница 6

Все эти слова падают на душу мне раскаленными углями. Я тоже хочу писать стихи И - буду писать!

Теперь эти люди странно близки мне, небывало приятны. Меня трогает задумчивая сосредоточенность одних, восторженное внимание других; мне нравятся нахмуренные лица, печальные улыбки людей, нравится их приобщение к идеям умной поэмы. Я крепко уверен, что, испытав столь глубокие волнения духа, все они уже не в силах будут жить, как жили вчера.

В задумчивом молчании гостиной медленно текут слова Люция:

Для дел великих отдых нужен,

Веселый дух и - добрый ужин...

Шамов обводит всех маленькими глазками, включает и меня в невидимый круг и, легонько вздохнув, говорит, улыбаясь:

И что за счастье, что когда-то

Укажет ритор бородатый

В тебе для школьников урок!

Он произносит слова всё более неохотно и тихо, точно засыпает, утомленный беседой с друзьями.

В дверях, прячась за темной портьерой, стоит тоненькая, стройная горничная, с золотой, змеиной головкой, в кружевной наколке на рыжих волосах, на ее белом лице остро блестят зеленоватые глаза.

И я умру шутя...

- мечтает Шамов, тонко улыбаясь.

Он кончил, слушатели дружно рукоплещут, а Локтева целует его в лысину.

- Вы очаровательно читаете, Макс. Ах, боже мой...
- Польщен. Но,- "как истый сибарит",- приглашаю кушать! Вашу лапку, дорогая...

Стало шумно и очень весело. Люди парами идут в столовую, сзади всех горбатый Асеев. Он качается на ногах, точно пьяный, одной рукой он потирает высокий лоб, исписанный морщинами, в другой – папироса; он мнет ее пальцами, посыпая ковер табаком.

- Волшебница, - английской или хинной? - громко спрашивает Шамов.

В столовой, под яркой люстрой, на огромном столе сверкает хрусталь, светится серебро, три вазы с фруктами, как три огромных цветка Дама в пенсне рассказывает Ляхову:

- В воскресенье у Ещепуховых меня угощали медвежьим окороком. Я не нашла в нем ничего особенного.

А Тулун басом внушает кому-то:

- Возьмите перцу - так! Теперь - уксус! Ага?

Я незаметно пробираюсь в прихожую, – я уж научился уходить незаметно. В прихожей, на диване, сидит и дремлет, раскрыв рыбий рот, младшая горничная Дуня, круглая, как бочонок, и пестрая, как маляр. Шамов рассказывает про нее, что в первые дни службы эта рабыня съела у него кусок туалетного мыла.

- Ой! - вскрикивает она, просыпаясь.- Извините. Которое ваше?

Но, видя, что я уже надел пальто, спрашивает:

Страница 7

- Сели есть?
- Да.
- ну, слава богу!.. Прощайте!..

Ветер гоняет по улице тучи мокрого пепла; в черной сети ветвей дерева странным желтым цветом расцвел огонь фонаря. Ночь прижала дома к земле, и город кажется маленьким в мокром кулаке ночи.

Я шагаю по жидкой грязи, сквозь тяжелую сырую тишину, в голове у меня горит костер новых слов, мыслей, я благодатно взволнован.

В памяти звучат слова эпикурейца:

Когда ж насыщусь до избытка,

Она смертельного напитка,

Умильно улыбаясь, мне,

Сама не зная, даст в вине...

Само собою слагаются в стихи другие слова:

Душа, одинокая и слепая,

Бредет по улице грязной.

Едет ночной извозчик, сгорбившись на козлах разбитой, гремящей пролетки. Качает головою черная, мохнатая лошадь. В конце улицы трещит трещотка сторожа.

Со мною что-то случилось,- такая тоска сжимает сердце, такая тоска...

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

http://gorkiymaxim.ru/ Приятного чтения!

http://buckshee.petimer.ru/ Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,

недвижимость. Здоровый образ жизни. http://petimer.ru/ Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет

магазин обуви Интернет магазин http://worksites.ru/ Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных

сайтов. Интеграция, Хостинг. http://filosoff.org/ Философия, философы мира, философские течения. Биография

http://dostoevskiyfyodor.ru/

сайт http://petimer.com/ Приятного чтения!